

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

УДК 94(100)"1914/19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ МИРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А*

Аннотация. В статье анализируются экономические интересы Англии, Франции, Германии и России, а также возникшие к началу XX в. в связи с реализацией этих интересов противоречия между странами. Аренами экономического противоборства «великих держав» стали Ближний Восток, Балканы и Дальневосточный регион. По заключению авторов, из двух тенденций – интернациональный характер капитализма и необходимость реализации национальных интересов конкретной страны, – последняя тенденция возобладавала. Совпадение экономических интересов тех или иных стран предопределило конфигурирование военно-политических блоков конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-политические блоки, Антанта, Тройственный союз, империализм, «великие державы», экономические интересы.

ECONOMIC INTERESTS OF THE LEADING POWERS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMING OF POLITICAL-MILITARY BLOCKS IN THE EARLY XX CENTURY

V. Yegorov, Yu. Abramova

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the economic interests of England, France, Germany and Russia, as well as the contradictions between the countries, arose by the early XX century due to their interests' realization. The arenas for the Great Powers' economic confrontation were the Middle East, the Balkans and the Far East. The authors conclude that there were two tendencies: the international character of capitalism and the necessity to implement a certain country's national

© Егоров В.Г., Абрамова Ю.А., 2016.

interests, and the last one prevailed. The concurrence of certain countries' economic interests predetermined the configuration of the political-military blocks of the late XIX – early XX centuries.

Key words: World War I, political-military blocks, the Entente, Triple Alliance, imperialism, the Great Powers, economic interests.

Экономическая реальность, сложившаяся к началу XX столетия, явилась не-обратимым фактором трансформации системы международных отношений и институтов, обеспечивавших прежде относительную стабильность и предотвращение мировых военно-политических катаклизмов. Даже созданный в 1900 г. международный трибунал в Гааге, ставший символом «цивилизованного» разрешения конфликтов, не смог остановить катастрофы, обусловленной нарастанием экономических противоречий. Мировая экономическая конкуренция, преодолевая социальные, идеологические, династические и культурные предпочтения, выдвинулась в ряд важнейших условий, фундамирующих международный военно-политический кризис, вылившийся в величайшую драму начала прошлого столетия.

Вопреки утверждающемуся в современной российской историографии положению о том, что Россия была втянута вразрез с собственными интересами в «большую игру» против Германии, с которой наблюдалось политическое сближение [23, с. 5–18], в российском предвоенном официальном и общественном мнении осознавалась опасность экономической экспансии германской индустрии. В российских деловых кругах широко транслировалось крылатое выражение министра торговли В.И. Тимирязева: «Мы не можем позволить, чтобы русская промышленность была полностью сокрушена германской индустрией» [16, с. 226].

Возрастающая мощь Германии, в конечном счете, дестабилизировала сложившуюся экономическую расстановку сил в мире. Учитывая прямую зависимость эффективности оборота «экономического» капитала от емкости рынков, включение в борьбу за их обладание нового, быстро развивающегося «игрока», неизбежно обуславливало эскалацию напряженности международных отношений.

В отличие от все более укрепляющейся в канун «великой трагедии» уверенности европейского истеблишмента в неизбежности столкновения «ведущих экономик», актуальным оставался вопрос о возможности и составе союзов в будущей войне. Имея в виду традиционные политические и экономические противоречия России и Великобритании, династические российско-германские, британо-германские связи, последствия боснийского и итало-турецкого кризисов, исход его решения был далеко не очевидным.

«В предвоенные годы, – пишет М. Хейстингс, – европейские симпатии и антипатии не отличались незыблемостью, то и дело меняясь, перетасовываясь и перестраиваясь. Французы вступали в новое столетие с мыслью о возможном вторжении Англии, и в 1905 году Британия на самом деле вынашивала подобные планы. Какое-то время существовала вероятность, что Россия выйдет из Антанты и присоединится к Тройственному союзу» [24, с. 34].

Новелла мировой экономической эволюции заключалась во вступлении планетарной цивилизации в очередной виток научно-технического прогресса, сопровождавшейся ростом массового производства, требующего новых рынков и источников сырья; появлении в системе международных хозяйственных связей нового, быстро растущего лидера – Германии и, наконец, в обострении классовых противоречий и росте рабочего движения, одним из способов противостояния которому могла быть война, вызывающая волну патриотизма [10, с. 57].

Экономический подъем Германии

Осознание экономических успехов собственной страны позволило «железному канцлеру» Отто фон Бисмарку в речи 6 февраля 1888 г. в рейхстаге заявить: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!» А уже в 1912 г. расстановка точек экономического соперничества позволила кайзеру Вильгельму II утверждать: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества» [23, с. 25, 29].

Росту экономического могущества Германии во второй половине XIX в. способствовало сразу несколько обстоятельств, обусловленных победным завершением франко-прусской войны 1870-1871 гг. Военные успехи явились политическим основанием объединения Германии в давно кон-

струируемую в немецком общественном сознании империю, окормляемую патриотизмом «германского рыцарства». В результате сокрушения давнего соперника – Франции – Германия получила 5 миллиардов золотых франков контрибуции и богатые провинции Эльзас и Лотарингию [2, с. 6]. Темпы, которыми развивалась немецкая экономика, превосходили темпы роста экономик других ведущих держав (см. табл 1).

Быстро развивающаяся экономика требовала включения в ее орбиту нового хозяйственного пространства. «Если мы не приобретем вскоре новых земель, – писал Альбрехт Вирт в своей работе «Народное могущество и мировая война в истории» (1901 г.), – мы неизбежно придем к страшной катастрофе. Все равно, будет ли это в Бразилии, в Сибири, Анатолии или Южной Африке, лишь бы мы могли веселиться и наслаждаться свободой и дать возможность нашим детям пользоваться в изобилии воздухом и светом в хороших условиях. Сегодня, как и две тысячи лет тому назад, когда варвары, кимвры и тевтоны стучали в ворота Рима, раздастся тот же крик... «Земель, новых земель!» [5, с. 11].

Если противоречия между великими державами, возникающими в результате освоения немецким капиталом Африканского континента удалось купировать, благодаря организованной сторонником сохранения стабильности международных отношений О. Бисмарком Берлинской конференции (1884-1885 гг.), то территории, освоенные британцами и французами, стали проблемой, решить которую мирными средствами не представлялось возможным.

Таблица 1

Производство основных видов промышленной продукции в 1887 по 1911 гг.

<i>Добыто угля в млн. тонн</i>			
	В 1887 г.	В 1911 г.	Увел. в %
Англия	160,0	276,2	72,6
Франция	19,9	39,8	97,5
США	103,1	450,2	336,6
Германия	73,7	234,5	218,1
<i>Произведено чугуна в тыс. тонн</i>			
Англия	7681	10033	30,6
Франция	1568	4411	281,5
США	6520	29028	368,5
Германия	4024	15574	387,0
<i>Произведено стали в тыс. тонн</i>			
Англия	2403	6107	154,0
Франция	428	3390	692,9
США	2604	26512	910,8
Германия	954	13699	1375,0

Источник: [2, с. 9–10]

Натиск «великих держав» на Восток

Стратегия «Drang nach Osten» (Натиск на восток), овладевшая политическим классом Германии, предполагала два направления движения: на юго-восток, через Балканы, Малую Азию и Месопотамию, к Индийскому и Дальневосточному регионам и другое: в Россию.

Обоснование растущей враждебности к славянам (русским) немецкие идеологи искали в проблеме «восточных территорий традиционного немецкого влияния». «Большие территории, которые прежде были под германским влиянием, ныне снова подчиняются славянской власти, – говорилось в одном из популярных немецких изданий, – и кажутся навсегда потерянными нами. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы находятся в Австрии, нашей союзнице, находятся под же-

стокой угрозой; Германия стала открыта постоянному мирному вторжению славянских рабочих. Многие поляки прочно укоренились в сердце Вестфалии. Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации. До сих пор неясно, сможем ли мы остановить этот поток мирными средствами. Возможно, вопрос германского или славянского превосходства будет решен мечом» [23, с. 27–28].

Но эпицентр противоречий, возникающих в связи с экономической интервенцией Германии, приходился на первое направление «движения на восток».

Развитие германского флота, сопровождавшееся организацией в различных уголках мира угольных стан-

ций, утверждением на морских путях и «мягким» проникновением в колониальные владения Франции и Англии, прямо затрагивало интересы последних. Антагонизм порождало усиливающееся экономическое присутствие Германии на Балканах, в Малой Азии и Месопотамии, где британский и французский капитал создал промышленные предприятия и активно инвестировал в местное производство.

Особый ущерб экономической экспансия Германии наносила интересам Великобритании, которая в качестве «владычицы морей» стремилась препятствовать немецкому освоению Южного океана и «ближней дороги» в Китай.

В записке, которую современники называли пророческой, министр Внутренних дел П.Н. Дурново именно экономические противоречия между Германией и Англией называл главной причиной возможного конфликта. «Действительно, с одной стороны, островное государство, – писал П.Н. Дурново, – мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленных колониях. С другой стороны – мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения. Поэтому она прямо и открыто заявила, что будущее ее на морях, со сказочной быстротой развила огромную мировую торговлю, построила, для ее охраны, грозный военный флот и знаменитой маркой *Made in Germany* создала смертельную опасность промышленно-экономическому благосостоянию соперницы» [8, с. 58].

Существенный урон интересам Великобритании был нанесен проникно-

вением Германии на Ближний Восток. Еще в 1882 г. в Турцию была послана миссия, позднее руководимая фон дер Гольцем. С тех пор этот регион стал основным в политико-экономической экспансии Германии [22, с. 1]. Инициировали расширение германского присутствия на Ближнем Востоке круги, близкие к «Дойче банку», стремившиеся получить свою часть «пирога» разваливающейся Османской империи.

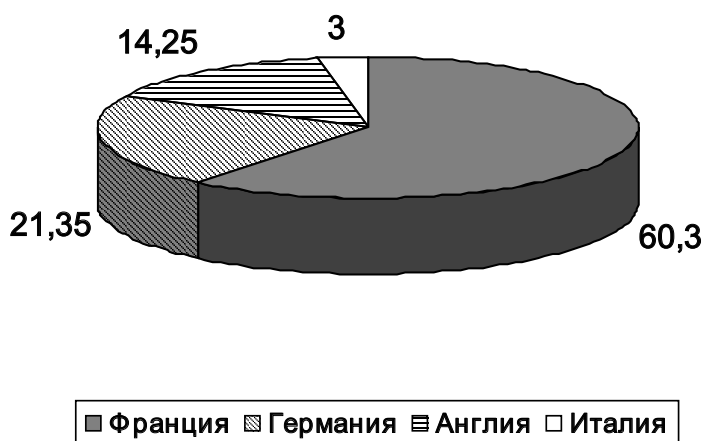
Сближение с Германией отвечало и интересам значительной части официальной Порты, которая видела в столкновении великих держав за доминирование залог сохранения своего суверенитета и была воодушевлена «дипломатической Цусимой» России в Боснийском кризисе 1908–1909 гг. По свидетельству посла России в Турции И.А. Зиновьева, «Германия использовала исход Боснийского кризиса для укрепления позиций на Босфоре» [22, с. 4].

Ориентация младотурецкой элиты на Германию объяснялась еще и тем, что последняя, не рассчитывая на серьезные территориальные приобретения в случае немедленного раздела Османской империи, придерживалась принципа территориального статукво Турции. Пропитальянская позиция Германии в Триполитанской войне, поражение армии, инструкторованной немецкими специалистами в Балканских войнах, свержение летом 1912 г. власти младотурецкого правительства несколько осложнили, но не обратили вспять поступательное освоение германским капиталом турецкого рынка [14, с. 4].

О степени напряженности, с которой пришлось столкнуться немцам в проникновении на рынки Турции, говорят данные об освоении финансовой

системы Порты англо-французскими предпринимательскими структурами. Несмотря на усилия «Дейче банка», наращивающего инвестиции, англо-французское засилье на османском финансовом рынке было очевидным. Даже Османский имперский банк полностью находился в руках финансовых институтов Англии и Франции. Важность этого факта тем более значительна, что именно этому банку принадлежало право эмиссии и другие прерогативы государственного банка Турции [14, с. 6].

В 1854–1862 гг. были заключены соглашения на первые турецкие государственные займы. Воспользовавшись банкротством побежденной в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. страны, Англия и Франция установили полный контроль над ее финансовой системой. Для управления государственным долгом (уменьшенным в 1881 и 1903 гг. наполовину) была создана администрация османского долга, ставшая государством в государстве. Администрация создала по стране 720 агентур.

Источник: [19, с. 9]

Рис. 1. Доля европейских держав в долге Османской империи к 1914 г. (%)

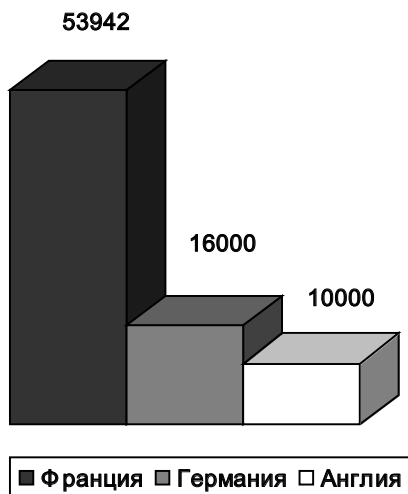
С 1880-х гг. администрация стала активно вмешиваться и в экономику «должника». В 1881 г. было создано «Управление табаководством», которое контролировало все производство табачной отрасли. В 1911 г. был учрежден консорциум для постройки османских портов, в который вошли фирма Крезо, Батиньольское общество сооружений, Османский банк и др. Консорциум получил концессии на

строительство портов Самсун, Трапезунд, Инеболи, Гераклия, Яффа, Триполи, Кайфа.

Важную отрасль приложения французского капитала составляла добывающая промышленность. На рудниках Турции практически безраздельно господствовали французы. Наиболее крупными предприятиями в этом сегменте экономики являлись общество Гераклен, добывающее уголь на берегу

Черного моря, и общество рудников Балиа-Карайдин, извлекающее серебристый свинец и лигнит в богатейших месторождениях Айдинского вилайета.

В целом французские инвестиции в добывающую отрасль Турции составляли 3,5 млрд. франков и составляли 60% всех иностранных капиталов [19, с. 13].

Источник: [19, с. 12]

Рис 2. Объем капиталовложений европейских держав в строительство турецких портов в 1914 г. (тыс. фр.)

Таким образом, французский капитал в канун Первой мировой войны «инфильтровал весь хозяйственный организм Азиатской Турции: железные дороги, порты, рудники, коммерческие компании и даже муниципальные предприятия». Французские имущества в Азиатской Турции оценивались в 354 млн. фр. (торговые фирмы – 30 млн. фр., недвижимое имущество – 54 млн. фр., железные дороги – 202 млн. фр., портовые сооружения – 20 млн. фр., местные банки – 8 млн. фр., копи и промышленные предприятия – 40 млн. фр.) [19, с. 13]. Присутствие Англии в турецкой экономике носило избирательный характер. Накануне мировой войны Великобритания сохраняла доминирующее положение только во внешней торговле Турции.

Если прямые инвестиции Германии в экономику Порты наращивались постепенно, избегая прямых столкновений с англо-французским капиталом, то полученная в 1903 г. концессия на строительство Багдадской железной дороги была «нацелена в самое сердце британских интересов: Индию» [14, с. 5]. В ходе реализации проекта Багдадской железной дороги «от Берлина до Багдада» планировалось использовать Константинополь «как место перехода из Европы в Азию». Паром должен был принимать железнодорожные пассажирские и грузовые вагоны на европейском берегу Босфора на станции Сиркенджа и доставлять в пункт Хайдарпдшана на азиатском берегу. Далее железная дорога должна была двигаться через всю Турцию на юг, до

портов Газа в Восточном Средиземноморье, Акаба на Красном море и Басра в Персидском заливе. Дополнительная линия железной дороги должна была связать Багдад с персидскими нефтяными месторождениями.

Переговоры, шедшие в течение почти двух лет, закончились в марте 1903 г. подписанием соглашения, по которому Анатолийская железнодорожная компания (ответвление Deutsche Bank) обеспечивала Турции заем в 43 200 000 марок и взамен получала право отстроить дорогу от Эрегли до Мосула и Багдада, с линиями на Кесарию-Сивас, на Диарбекир и к Мерсине и Александrette. Выгодные условия, на которых Германии была предоставлена концессия, возбудили живое внимание в английских финансовых кругах. В палате общин статс-секретарю по иностранным делам Бальфуру был предложен запрос: в какой мере английское правительство намерено принять участие в сооружении Багдадской дороги. Признавая исключительно важное значение новой линии, соединяющей Европу с Персидским заливом и с Индией, Бальфур в своей ответной декларации высказался за интернационализацию предприятия и сообщил, что на этот счет уже идут переговоры с германским правительством. Франция в это время уже вела переговоры с Англией о заключении с ней союза и, естественно, старалась привести линию своего политического поведения в соответствие с английской. В Брюсселе 23 октября 1903 г. между представителями французских и германских финансовых групп было подписано соглашение. Однако ратификация его не состоялась.

Осенью того же 1907 г. Лондонский кабинет, только что добившийся

крупного политического успеха, каким являлось для него соглашение с Россией, решил начать активные действия против Германии. В палате общин новый статс-секретарь по иностранным делам, сэр Эдуард Грей, повторил заявление, сделанное его предшественником, маркизом Лансдоуном: всякое стремление изменить положение в районе Персидского залива было бы признано Англией поводом для войны. Направленная в 1903 г. против России, теперь эта угроза имела в виду Германию. В ноябре, во время пребывания Вильгельма II в Лондоне, Грей, согласовав предварительно с Парижским и Петербургским кабинетами, предложил Германии согласиться на интернационализацию Багдадской дороги. Германия отклонила это предложение и лихорадочно усилила свою деятельность в Азиатской Турции. В июне 1908 г. она не только добилась подписания соглашения с турецким правительством о продолжении багдадского пути до Мардина, с веткой на Алеппо (этим она фактически вторглась в зону французского, а отчасти, и английского влияния), но и распространила свою заинтересованность на путь к мусульманским Святым местам (Геджасскую дорогу). Это усиление активности Германии способствовало сближению между Россией и Англией. Обе эти державы в 1908 г. после «Ревельского свидания» решили выступить совместно в Константинополе.

В финансовой конкуренции за предоставление Турции краткосрочного займа победила Германия, вследствие чего ее позиции в получении железнодорожной концессии стали преобладающими. Турецкий министр финансов Джавид-бей, ездивший в Париж и

Лондон, «по дороге» заехал в Берлин. В октябре-ноябре 1910 г. между Дойче банкм и Джавидом начались окончательные переговоры о заключении займа, и одновременно германской печатью был поднят вопрос о допущении Турции в Тройственный Союз.

«Сооружение Багдадской железной дороги, – писал германский публицист А. Норден, – должно было до чрезвычайности обострить отношения Германии с великими державами. Ведь Багдадская железная дорога перерезала жизненно важный путь английского империализма, который вел его к азиатским владениям и сферам влияния. Утверждение Германии у Дарданелл и на Черном море ухудшало вместе с тем ее отношения с Россией, и без того в достаточной степени напряженные вследствие поддержки, которую Германия оказывала антирусской политике Габсбургов на Балканах. К тому же в Лондоне и кое-где еще не могли не слышать торжествующих криков пангерманцев и считавших себя умеренными немецких шовинистов, которым казалось, что вся Передняя Азия уже принадлежит немцам» [15, с. 14–15].

Британские и французские предприниматели, так же как немецкие, участвовали в реализации проекта Багдадской железной дороги. В его руководство, наряду с одиннадцатью немцами, входило восемь французских директоров. «Но Великобритания, – по мнению М. Гилберта, – не могла смириться с самой мыслью о контролируемой немцами транспортной артерии протяженностью почти 3000 километров, пересекающей Европу, Анатолию и доходящей до арабских провинций Османской империи: ее существование представлялось британцам угрозой им-

перии и ее интересам в Персидском заливе и Индийском океане» [7, с. 30].

Помимо деструкции британских интересов, наносимых Багдадской железной дорогой в связи с «разгерметизацией» стратегического пути к Индии, ее строительство прямо угрожало интересам Англии на нефтяных приисках Месопотамии.

В конце XIX в. немецкие и английские геологи и путешественники обнаружили мощную нефтяную зону, простирающуюся от Мосуда на юго-востоке до Бендер-Абасса, т.е. до Персидского залива. Важнейшими нефтяными участками являлись Гайара, Керкук, Мендели, Каср-и-Ширин и Майдан-и-Нафтун. Эта зона, расположенная, таким образом, на территории Турции и Персии, тотчас стала объектом внимания концессионеров. Первые победы были одержаны англичанами в Персии, нефтяными богатствами которой овладела известная «Англо-персидская компания».

Гораздо труднее оказалось получить нефтяные концессии в Северной Месопотамии. Начиная с XX в., стремления англичан в овладении приисками Месопотамии столкнулись с активностью немецкого капитала. Последнему удалось не только начать работы по прокладке Багдадского пути, но и получить крайне важную для нее нефтяную концессию, распространяющуюся на Багдадский и Мосульский районы (12 сентября 1904 г.)

С целью предотвращения широкомасштабной конкуренции предполагалось создать общество Turkish Petroleum, в котором с акций должно было принадлежать англичанам, а j - немцам. Однако планам не было суждено сбыться [19, с. 24].

В начале 1914 г. Великобритания в поиске нефтяных ресурсов, прежде всего, для обеспечения топливом своего флота, перехватила инициативу у немцев, заключив соглашение «о преобладающей доле в персидских нефтяных разработках, на которые была нацелена Германия

при постройке Багдадской железной дороги, что еще в большей степени обострило англо-германские отношения» [7, с. 35].

К началу Первой мировой войны Германии удалось добиться ведущего положения в железнодорожном сообщении Турции (см. рис. 3).

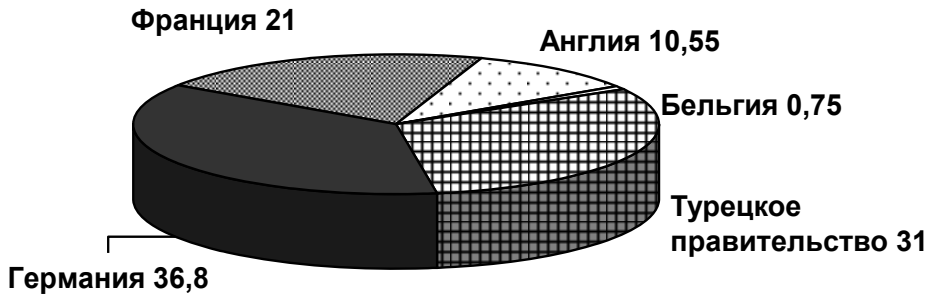

Рис. 3. Участие отдельных держав в контроле над железными дорогами Азиатской Турции (%) (1914 г.)

Источник: [19, с.11]

При этом, например, в Сирии Франция владела 55,5% железных дорог, в Анатолии Франция контролировала железную дорогу Смирна-Кессаба, проходящую по плодородной долине Гермуса и смыкающуюся с Багдадской железной дорогой. Накануне войны Франция вынашивала планы «обширного железнодорожного строительства главным образом, в Восточной Анатолии» [19, с. 12].

Учитывая опасность национальным интересам, обусловленную активизацией европейских держав в железнодорожном строительстве на Ближнем Востоке, острогу противоречий Англии и Германии и затруднительное положение первой в связи с бурской войной, Россия также заявила о своих претензиях на железнодорожное строительство на территориях,

входящих в круг ее сферы внешнеэкономических отношений.

В Петербурге предприняли ряд последовательных попыток проникнуть в южную часть Месопотамии. С этой целью в Тегеране были начаты переговоры о передаче в русские руки Бендер-Аббаса и вместе с тем возбуждено ходатайство о концессии на постройку железной дороги от Тегерана к побережью Персидского залива. Испуганное ростом иностранной предприимчивости в Малой Азии, русское правительство вместе с тем потребовало от турецкого султана ограничения права железнодорожного строительства в полосе, непосредственно примыкающей к кавказской границе. В этой зоне железные дороги могли строиться только Россией и Турцией. (В Петербурге считались с возможностью по-

стройки в ближайшее время железной дороги: Карс-Эрзерум, Эрзерум-Трапезунд.) Соглашение было заключено в марте 1900 г. и вполне отвечало желаниям петербургского кабинета.

К началу Первой мировой войны противоречия великих держав на Ближнем Востоке были затянуты в тугую петлю. Непримируемость каждой из соперничающих сторон была обусловлена величиной понесенных затрат. Французские капиталовложения в Турцию составляли 2,24 млрд франков, Германии – 1,28 млрд франков, Англии – 750 млн. франков. По турецким данным, удельный вес французских финансовых институтов в банках Порты составлял 59%, германских – 22% и английских – 6,8% [20, с. 21]. «Франция является как бы банкиром Турции, – сообщал незадолго до войны морской агент России в Стамбуле, – потому-то во главе турецких финансов и поставлен составитель бюджета Турции француз Лоран» [20, с. 21].

Окрепшие позиции Германии в Турции стали материальной основой ее дипломатического успеха, увенчавшегося 2 августа 1914 г. подписанием немецко-турецкого союзного договора, направленного прежде всего против России и подкрепленного присутствием у берегов Порты военных кораблей «Гебен» и «Бреслау».

Не располагая возможностью монопольного присутствия в Иране, Великобритания предпринимала усилия для формирования комплиментарной коалиции с Германией для экономического освоения этой страны. Важнейшим предметом вождения интернационального капитала являлось железнодорожное строительство. Именно железнодорожные транспорт-

ные артерии позволяли инвестировать с максимальной прибылью и обеспечить геополитические преимущества владения стратегическими коммуникациями.

В сентябре 1885 г. посол Англии в Берлине Э. Маллет направил канцлеру меморандум, в котором содержался план создания «международной компании персидских железных дорог» под финансовым руководством барона Рейтера. «Мы не хотим, – писал Маллет, – чтобы Россия или Франция принимали участие в реализации плана». О. Бисмарк заметил на полях документа: «Почему бы нет?» [12, с. 18]. С момента описываемых событий экономические отношения Германии и Великобритании в Иране приобрели устойчивый тренд, порождающий непримиримые противоречия.

Депутат Бунзен в выступлении в рейхстаге 15 декабря 1885 г. заявил, что задача германской миссии в Тегеране заключается в том, чтобы подвергнуть глубокому исследованию экономическое положение Ирана и «путем точной информации способствовать развитию отношений германской промышленности и германской торговли с соответствующими областями Центральной Азии» [12, с. 19].

Наряду с увеличением германского экспорта товаров в последнее предвоенное пятилетие в Иране стали строиться промышленные предприятия, принадлежащие немецким фабрикантам. В 1909–1910 гг. была введена в строй ниточная фабрика Кизвини (1500 веретен). В 1912 г. в Берлине возникла компания по импорту восточных товаров «Теппихгезельшафт А.Г.» с филиалами в Стамбуле, Тебризе, Султанабаде, Хамадане, Кермане, Мешхеде

и Ширазе. Компания не ограничилась скупкой ковров, но и организовала собственное ковровое производство. В Тебризе компания построила шерсто-ткацкую и шерстокрасильную фабрики. Успешная деятельность «Теппих-гезельшафт» привела к вытеснению с иранского рынка английской фирмы «Циглер энд К». Ценой больших усилий российскому консульству удалось предотвратить строительство немецким ковровым обществом в 1913 г. фабрики в Тебризе.

В 1914 г. немцами была предпринята неудачная попытка завладеть угольными шахтами в Иранском Азербайджане, находящимися в полосе отчуждения русской железной дороги Джульфа-Тебриз.

По сведениям русского консульства в Тебризе, на освоение территории, входящей в сферу экономических интересов России, немецкие предприятия получали «секретные дотации правительства» [12, с. 182, 184]. Если Россия и Англия для получения преференций были вынуждены обильно сопровождать свои экономические претензии государственными займами (к началу Первой мировой войны первая потратила на эти цели 164 млн. руб., вторая – 10 млн. фунтов стерлингов) [12, с. 180–181], то Германия инвестировала прежде всего в поддержку коммерческих предприятий в Иране. Общая сумма такого рода затрат составила к началу войны 12–15 млн. марок [12, с. 187]. Кроме того, немецкое продвижение в хозяйство Ирана имело не столько экономический, сколько политический смысл – создание геополитического плацдарма для продвижения на Восток.

Балканский узел противоречий

К 1912 г. Германия оставила позади другие европейские страны, кроме Англии, в освоении экономического пространства Балкан. Особую сферу немецких интересов составляли Болгария, Румыния и европейские владения Оттоманской империи.

«Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и политической гегемонии Германии на Балканах» [18, с. 15].

Экономической гегемонии Германии на Балканах препятствовал, прежде всего, французский финансовый капитал. В Болгарии и Румынии Франция занимала одно из ведущих мест в числе кредиторов, а в Сербии доминировала в финансовой системе страны. В Сербии Франция контролировала три ведущих банка: Французско-сербский банк, Экспортный банк и Белградский коммерческий банк. Ежегодно Сербия выплачивала Франции в качестве процентов на кредиты более четверти государственного бюджета.

Франции принадлежала ведущая роль в прямых инвестициях в экономику Сербии. В стране функционировали Сербско-французское общество промышленных предприятий, Французско-сербское общество угольной и цементной промышленности [18, с. 27].

Свое доминирование в балканских финансах Франция активно использо-

вала с целью политического давления на страны региона. Так, весной 1912 г. специальный посланник Р. Пуанкаре М. Палеолог предпринял попытку склонить Болгарию к участию в Балканском блоке, пообещав председателю совета министров Болгарии И. Гершову заем в 200 млн. франков. Во время встречи с И. Гершовым М. Палеолог заявил, что Франция дает кредиты «только тем государствам, которые практически идут тем же путем, что и она» [6, с. 38–39].

Английское проникновение в экономику Балкан происходило прежде всего путем овладения подавляющим сегментом внешнеторгового оборота стран региона.

Финансовый инструмент, несмотря на собственное, далекое от благополучного, положение, пыталась использовать Россия для укрепления своих позиций на Балканах. После того, как Болгария объявила 8 октября 1908 г. о своей независимости и отказалась платить Турции компенсации за проходившую по ее территории Восточнорумелистскую железную дорогу, Турция, в свою очередь, угрожая войной, сосредоточила на болгарской границе войска. С целью примирения Турции и Болгарии Россия организовала трехстороннюю финансовую операцию. В Петербурге 6 апреля 1909 г. было заключено финансовое соглашение с Болгарией и Турцией. Тройственное соглашение значительно облегчило финансовое положение Болгарии и Турции. В соответствии с соглашением Россия отказывалась от 500 млн. франков, уплачиваемых Портой в качестве контрибуции после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В свою очередь, Турция отказывалась от получения с Болгарии компенсации за Вос-

точнорумелийскую железную дорогу, перечислив задолженность Болгарии в размере 125 млн. франков на счет России. Последняя сокращала размер платежей с Болгарии до 22 млн. франков и устанавливала льготные условия расщетки [18, с. 46].

Вместе с тем следует отметить, что Россия не уделяла сколько-нибудь серьезного внимания внешнеэкономической политике на Балканах, больше полагаясь на «славянское единство» и неприязнь к туркам. Когда поверенный в делах Цетинье С.А. Лермонтов сообщил в Петербург о готовности Черногории предоставить России концессии на строительство железной дороги от Антивару к Никшичу, а также на сооружение морского порта в Антивару и на разработку полезных ископаемых, С.Ю. Витте отклонил предложение. В резолюции на докладную министра иностранных дел графа В.Н. Ламсдорфа 18 января 1901 г. он написал: «Я нахожу, что у нас не найдется серьезных предпринимателей для этих дел. У нас и самих есть много неразработанных богатств» [18, с. 48].

Однако под давлением буржуазии российское правительство было вынуждено поменять свою экономическую политику на Балканах. Между Россией и Сербией 15 февраля 1907 г. был подписан новый торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования». В 1908 г. министр торговли и промышленности И.П. Шипов поддержал ходатайство общества судостроителей, механических и литейных заводов г. Николаева на участие в торгах в Сербии и Болгарии на поставку в эти страны речных судов, землечерпалок и строительство мостов через Дунай. С 1908 г. начался

процесс перезаключения торгового договора с Черногорией, который завершился его подписанием в 1909 г.

Для активизации торгово-экономических связей в 1909 г. было принято решение о создании Славянского банка, а в апреле того же года по инициативе Всероссийского славянского съезда были предприняты шаги по учреждению Русско-болгарского банка.

Российские интересы

Немецкое движение на восток шло вразрез с устремлениями российской предпринимательской инициативы. По мере укрепления отечественной промышленности Россия начала формировать собственный центр экономического влияния в странах и регионах, где конкуренция с Западом не приобрела антагонистического характера: в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Созданный Русско-Китайский банк инвестировал восточное внешнеэкономическое направление России [23, с. 32].

Даже не сравнимые по уровню амбиций с другими развитыми странами попытки российского капитала продвинуть собственные интересы за пределы империи встречали сопротивление Германии, активизация внешнеэкономической деятельности которой «трагически» совпала с внешнеэкономическими направлениями России.

Важнейшим, с точки зрения обеспечения экономических приоритетов России, являлся вопрос о черноморских проливах, «через которые проходило 37% российского экспорта» [24, с. 38–39]. Напутствуя генерала Лемана фон Сандерса командовать Константинопольским гарнизоном в 1913 г.,

кайзер Вильгельм II приказывал: «Сколотите мне новую крепкую армию, которая будет подчиняться моим приказам», а в феврале 1914 г. военная разведка России передала правительству секретный немецкий меморандум, согласно которому Германия планировала завладеть Дарданеллами «и закрепить за кайзеровскими офицерами командование артиллерийскими батареями на проливах» [24, с. 39].

При этом проблема проливов, являвшихся главной артерией экспорта хлеба, для аграрной России была жизненно важной. За период с 1906 по 1910 гг. вывоз зерновых из портов Черного моря составил 4691 тыс. тонн, в то время как порты Азовского моря отгрузили 2825 тыс. тонн, Балтийского – всего 1081 тыс. тонн, «т.е. более 80% экспортировались через порты Черного и Азовского морей» [13, с. 65].

Западные державы были заинтересованы в установлении режима использования проливов, не учитывающего интересы прибрежных государств. В своих притязаниях на доминирование в контроле над черноморскими артериями Турция опиралась на поддержку европейских держав и прежде всего Германии. Вместе с тем: «Лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и в меморандумах признавал особую заинтересованность России в Проливах и выражал готовность содействовать решению вопроса об их статусе» [13, с. 67].

Однако, несмотря на заинтересованность России в изменении условий Берлинского трактата (запрещающего свободный проход военных кораблей России через Проливы), ее особая позиция не была зафиксирована в российско-английском соглашении 1907 г.

Осенью 1907 г. при личной встрече короля Британии Эдуарда VII и российского монарха в Ревеле, английский король, по словам члена Государственного совета А.А. Половцева, «Обещал нашему императору а) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы, б) устроить приобретение для нашего флота угольной станции в Тихом океане, в) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги» [13, с. 68].

Российской дипломатии не удалось использовать озабоченность Британии укреплением на Балканах позиций Германии и особенно Австрии в связи с боснийским кризисом 1907–1908 гг. с целью реализации своих позиций по проливам, так же, как, впрочем, новых условий, открывающихся в связи с итало-турецкой войной 1911–1912 гг.

Однако итало-турецкая война окончательно артикулировала «англо-германское и французское противоборство за политическое и экономическое влияние в Турции, противоречия Италии, Австро-Венгрии и России на Балканах» [25, с. 132].

Об интересах России после этих событий в августе 1912 г. определенно высказался российский военно-морской агент в Лондоне Н.Г. Рейн:

«а) Ослабление и ухудшение Турции до распада.

б) Взаимное связывание других балканских государств.

в) Всемерное ослабление Австрии нарочитой ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т.д.

г) Улучшение отношений Антанты с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе.

д) Владение Дарданеллами и Эгейским морем. Передовой опорный пункт – Крит.

е) Поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки – Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, Северная Африка.

ж) В случае владения Эгейским морем содержание флота, равного 1, 5 флотам Австрии и Греции. В планы Австрии входило: «поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейским морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства» [1, с. 98].

После поражения Турции в Балканских войнах 1912–1913 гг. в официальном Санкт-Петербурге обсуждались «планы решительных действий в зоне Проливов» [13, с. 76]. Однако, воспользовавшись сложным положением Турции, Германия для размещения на берегах Босфора осенью 1913 г. «военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом». Озабоченность по поводу немецких позиций на проливах привела официальный Санкт-Петербург «к намерению «перейти к всемерному сплочению Тройственного соглашения» [13, с. 79, 80].

С 1888 г. основным источником финансирования российской индустриализации стал французский капитал. Сумма российских займов и инвестиций из Франции достигла значительных размеров и составила 25 млрд. франков золотом. Благодаря французскому займу 1906 г. России удалось преодолеть трудности, связанные с поражением в войне с Японией [9, с. 12].

Французский капитал активно инвестировался не только в российский

государственный долг, но и в финансирование индустриализации страны. При участии банка «Креду мобилъе» был учрежден Азовско-Донской коммерческий банк с капиталом в 3 млн. руб. В мае 1875 г. «Французское горнопромышленное общество» начало разработку Донецкого бассейна. «Акционерное общество железоделателей и сталелитейного завода Гуми-Банкова в Домброве» было учреждено в Париже в 1877 г. В 1879 г. открыл свою деятельность на территории России банк «Лионский кредит», а в 1881 г. начало функционировать «Общество Криворожских железных руд», в 1884 г. – «Общество камских железо- и сталелитейных заводов» и «Общество для разработки каменной соли и натуральной соды в южной России». В 1885 г. французская финансовая группа Ротшильда инициировала создание общества «Русский стандарт», а на основе приобретенного Батумского нефтяного и торгового общества учредила «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество» с первоначальным капиталом до 6 млн. руб. [3, с. 58].

Парижская биржа приобрела перед войной значение основного фондового рынка России. Именно котировки российских ценных бумаг на бирже в Париже определяли капитализацию многих банков и промышленных предприятий. Накануне мировой войны на парижской бирже торговались 140 русских ценных бумаг на сумму 8547,86 млн. руб.

«Париж стал центром для многочисленных русских ценностей, – говорилось в «Русском биржевом ежегоднике» за 1914–1915 гг. – Можно даже сказать, что переговоры об образо-

вании многих русских акционерных промышленных предприятий прежде всего велись в Париже. Многочисленные предприятия, которые формально носят немецкий, бельгийский или английский штемпель, были подготовлены и созданы в Париже. Тот, кто внимательно следит за ежедневной жизнью петербургской биржи в последние годы, знает, каким магическим словом для биржевых деятелей является «Париж», стоит лишь распространиться слуху, что такую-то и такую-то бумагу предполагается, хотя бы и в отдаленном будущем, ввести в котировку на парижской бирже, как курс ее немедленно и сильно поднимается» [3, с. 61].

В результате российско-английского соглашения с каждым годом рос приток капитала из Великобритании. В январе 1912 г. в Петербурге встречали парламентскую делегацию Англии. В приеме участвовали российско-британские деловые круги. Газета «Звезда» по случаю этого события писала: «Мы знаем, что представители русской буржуазии, заинтересованные в привлечении иностранных капиталов в Россию, заинтересованные в дешевом английском кредите, в высшей степени заинтересованы в братском единении с богатым энергичным иностранцем. И им, действительно, есть отчего ликовать. Знатные иностранцы, приехавшие к нам, в борьбе и погоне за все новыми и новыми рынками с явным вождением смотрят на «обновленную» Россию, как на огромнейшую колонию, куда можно будет сбывать бесчисленные товары английского производства. Услуга за услугу: вам нужен капитал – извольте; нам нужны рынки – пожалуйте их нам» [11, с. 14].

Выпуск займов в Англии обходился британия ежегодно ссужала России от русскому бизнесу значительно дешевле, нескольких десятков до ста с лишним чем во Франции или Германии. Велико- миллионов рублей (см. табл. 2).

Таблица 2

Русские займы, размещенные в Англии (в тыс. ф. ст.)

Вид займов	Годы									
	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Первая половина 1914	Всего
Государственные	11660	-	-	5285	-	-	-	-	-	16945
Железнодорожные	-	-	1113	4856	1135	1866	1365	5111	2880	18326
Городские	-	-	1653	985	1843	480	4732	3109	2060	14862
Всего	11660	-	2766	11126	2978	2346	6097	8220	4940	50133

Источник: [11, с. 21]

Около половины английских кредитов (48%) направлялось на строительство железных дорог. (1908-1914: Армавир-Туапсе, Троицкая, Юго-Восточная, Черноморско-Кубанская, Финляндская, Кахетинская и др.). В 1908-1914 гг. на Лондонском финансовом рынке было реализовано 15 займов

российских городов.

Приток британских инвестиций особенно усилился в 1908-1914 гг. (см. табл. 3) Этот период характеризуется масштабными промышленными инвестициями, по уровню которых Англия опередила Германию и Бельгию и составила конкуренцию Франции.

Таблица 3

Английские инвестиции в России (в тыс. ф. ст.)

Отрасли вложения	Годы						
	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Пер. пол. 1914
Горнодобывающая промышленность (без нефти)	913,9	52,5	212,5	217,5	-	447,4	-
Нефтяная промышленность	-	186,2	1272,2	261,5	2179,2	287,5	470,6
Предприятия по изысканию богатств недр	-	-	-	446,3	418,6	-	1070
Банки	-	-	-	1300	1444	-	1551,3
Земля и недвижимость	-	-	292,5	-	-	-	-
Торговля	-	20	-	-	-	-	61,5
Пищевая промышленность	-	-	-	-	75	-	-
Всего	913,9	258,7	1777,2	2225,3	4116,8	734,9	3153,4

Источник: [11, с. 27]

Из четырех монополистических групп российской нефтяной промышленности две («Шелл» и Нефтепромышленная финансовая корпорация) полностью контролировались англичанами.

Английский бизнес контролировал большую часть медной промышленности России, более десятка золотодобывающих предприятий. Совокупная доля Франции и Великобритании в иностранных инвестициях в России в 1914 г. составляла 54,6%, в то время как на Германию приходилось менее пятой части всех российских инвестиций.

Наряду с политическим противостоянием Тройственному союзу (Германия, Австрия, Италия (1882 г.)), глубокая инкорпорированность французского капитала в экономику России стала материальным основанием Франко-Русского союза 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.), обязывающего стороны помогать друг другу в случае нападения стран членов Тройственного союза [21, с. 277–280].

Не оправдавшиеся надежды Великобритании занять положение «стороннего наблюдателя» столкновения экономических интересов европейских держав закономерно направляли вектор ее внешнеполитической ориентации в сторону России и Франции. Однако на пути сближения (особенно с Россией) лежал преградой исторический опыт противостояния в Восточной войне 1853–1856 гг., английской военной помощи Турции в 1877–1878 гг., негативной роли Англии в Берлинском конгрессе, содействие англичан поражению России в войне с Японией 1904–1905 гг. Вплоть до начала XX столетия не были урегулированы экономические франко-британ-

ские отношения в Египте и Марокко. И только в 1904 г. Франция и Англия подписали Entente Cordiale («сердечное согласие»), снимающее эти противоречия и явившееся реальным шагом на пути создания Антанты, союза Англии, Франции и России [7, с. 26].

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение, направленное на преодоление затяжных англо-русских противоречий о сферах влияния в Персии и Афганистане.

«Старые» державы Европы

Две «старых» державы Европы, Великобритания и Франция, предпринимали отчаянные меры мирной борьбы с немецкой гегемонией в нарождающейся международной экономической архитектуре. В Англии внимательно изучался опыт «германского восхождения»; для внедрения новейших технологических разработок привлекались лучшие ученые умы; устраивались научно-технические выставки и съезды. Однако отставание в темпах развития ведущих европейских держав от Германии было столь ощутимым, что вернуть прежние экономические позиции, используя эти меры, не представлялось возможным. Конечно, оставался неоднократно используемый в историческом прошлом вариант введения бойкота. Однако средствами и необходимым временем для организации бойкота, так же как создания таможенного объединения с колониями, европейские страны не располагали.

Справедливости ради следует заметить, что роль мирового капиталистического интернационала в развязывании мирового конфликта не следует сводить исключительно к инициированию противоречий. Вследствие сво-

ей природы капитал (особенно финансовый, оторванный от национальных материальных активов), как правило, лишен нравственных ограничений и чужд всякого рода «препятствиям», в том числе государственным границам, суверенитетам и национальным правовым системам. «Крупп и Виккерс, – писал М.П. Павлович (Мих. Вельтман), – конкурируют друг с другом, все же входят в один и тот же международный синдикат военных заводчиков, английская и германская военная индустрия образуют совместно один трест, поделивший всю Европу на эксплуатационные участки, более того, некоторые немецкие металлургисты с своим “патриотизме” доходят до того, что содействуют усилению военной мощи Франции, открывая в этой стране промышленные предприятия вроде «Hauts Fourneaux de Caen», основанных Тиссенем; все эти «патриоты своего отечества» члены одного и того же международного интернационала смерти и разрушения совместными усилиями толкают народы к новым и новым вооружениям и связанным с последними непосильными расходами, и в результате положение настолько запутывается, что сами пушечные короли начинают помышлять о том, как бы разрубить созданный ими же Гордиев узел традиционным способом, именно – ударом меча и страшной силой выкованных на их фабриках орудий разрешить все противоречия, созданные естественной эволюцией капитализма и неизбежно сопутствующего ему милитаризма» [17, с. 32].

Английские деловые круги, в принципе чуждые военному разрешению экономического соперничества, все более склонялись к неизбежности во-

енного столкновения. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что в стремлении добиться собственных экономических преференций, оставаясь «над назревающей» войной, Великобритания не оставляла таких попыток вплоть до ее начала. В частности, 13 августа 1913 г. Англия и Германия тайно договорились «о создании потенциальных сфер влияния в португальских владениях в Африке», а соглашением 20 октября 1913 г. (заключенным спустя два дня после австрийского ультиматума Сербии) устанавливался англо-германский контроль над Анголой и Мозамбиком [7, с. 36].

Противоречия на Дальнем Востоке

Сферу особых интересов мировых держав составлял Китай. Некогда могущественная империя к середине XIX в. представляла собой раздираемую противоречиями страну. Западные державы, благодаря силовому нажиму или займам, подкупу чиновников создали на территории Китая обширные зоны своего исключительного доминирования.

Русский дипломат Н.П. Игнатьев сумел склонить власти Китая к заключению в 1860 г. договора, согласно которому за Россией закреплялись все земли по левому берегу Амура и территория между рекой Уссури и Тихим океаном.

Иностранцы хозяйничали, пользуясь правами экстерриториальности, уплачивая чисто символическую пошлину. Десятки портов Китая открылись для торговой экспансии западных стран. Против поправок национальных интересов выступили ихэтуани («отряды справедливости и гармонии»). Выступление вылилось в широ-

кое восстание (1898-1891 гг.), которое было подавлено Британией, Россией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Италией, США и Японией.

Россию привлекала в разделе Китая возможность приобретения незамерзающего порта для Сибирской железнодорожной магистрали, сооружение которой началось в 1891 г. Такой порт можно было приобрести только в Корее или на Тихоокеанском побережье Китая. С этой целью в 1896 г. был подписан тайный российско-китайский договор. Согласно договору, Россия получала право на строительство Китайско-Восточной железной дороги, целый ряд торговых льгот, аренду Порт-Артура и Даляня на 25 лет. Одновременно России разрешалась эксплуатация угольных месторождений на территории, входящей в круг российских интересов.

В ответ на враждебные действия губернатора Цицикара Шоу Шаня в 1900 г. мобилизованные российские поселенцы и регулярные войска завладели Амуром и штурмом взяли Айгунь. Инцидент стал поводом для широко-масштабной войны, в результате которой были заняты китайские города Сансин, Ашэхэ, Хайлар, Цицикар, Хуланьчен, Мэр Гэнь, Гирин, Мукден, Хунчунь, перевал на Малом Хингане и установлен контроль над всей КВЖД. Русские войска 1 августа 1900 г., вместе с немцами и англичанами, вошли в Пекин. Столица Китая была поделена на зоны оккупации: восточная – российская, южная – англоамериканская, северная – японская.

После неудачной попытки китайских патриотов сбросить иностранное иго Россия ввела войска в Маньчжу-

рию. Но «укоренение» России в Маньчжурии и продвижение на Корейский полуостров встретили сопротивление Японии, считавшей этот регион зоной своих исключительных интересов. Русско-японские противоречия привели к развязыванию войны. Канцлер Германии Бюлов говорил о причинах войны так: «Граф Остен-Сакен, старый опытный дипломат, не без основания еще осенью 1903 г. сравнивал в разговоре со мной трения между Россией и Японией с началом мексиканской авантюры. Русско-японская и мексиканско-французская войны имеют сходство в том, что обе начались из-за нечистых биржевых спекуляций. Они имеют сходство и в том, что эти инсценированные биржевыми дельцами военные предприятия драпировались патриотическими фразами как дальновидные политические начинания». Один из свидетелей этих событий И.В. Кулаев прямо указал на виновников трагедии: «Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корее, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации которой составил товарищество, в которое вошли крупные и важные столичные персоны. Эти господа и были против каких-либо уступок Японии – особенно в корейском вопросе – и довели Россию до войны» [4, с. 29].

Поражение в русско-японской войне нанесло тяжелейший урон экономическим интересам России и окончательно поставило российскую внешнюю политику в зависимость от англо-французских займов.

* * *

Таким образом, контуры экономических противоречий и интересов европейских держав, отчетливо проявившиеся к концу первого десятилетия XX столетия, создали материальную основу военно-политических союзов Первой мировой войны. Эскалация англо-франко-российских и австро-германо-турецких экономических противоречий в предвоенное пятилетие приобрела необратимый характер. Принадлежность к Тройственному союзу или Антанте

совсем не означала полного забвения противоречий внутри самих блоков. Однако, в отличие от последних, разрешение межблокового конфликта экономических интересов, носившего антагонистический характер, могло произойти только со сменой гегемона, определявшего «правила игры» на мировых рынках. Весь XIX в. таковым являлась Великобритания, в непримиримую борьбу за статус которого вступил новый индустриальный гигант – Германия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетян М.Э., Могилевич А.А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М.: Госполитиздат, 1940. 296 с.
2. Байов А.К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллинн-Ревель. [Б/и] 1927. 122 с.
3. Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны: отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М.: МГУ, 1961. 208 с.
4. Виллмотт Г.П. Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010. 335 с.
5. Вирт А. Народное могущество и мировая война в истории // Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж. 1917.
6. Галкин И.С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник Московского университета. Серия: Общественные науки. Т. 11. 1956. № 1. С. 9–40.
7. Гилберт М. Первая мировая война. М.: КоЛибри, 2016. 768 с.
8. Дурново П.Н. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Сост. А.В. Репников, Е.Н. Рудая, А.А. Иванов. М., 2014. 414 с.
9. Звавич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962. 144 с.
10. Зуев Ф. Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., [Б/и] 1956. 88 с.
11. Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962. 242 с.
12. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 224 с.
13. Лунева Ю.В. Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М.: Вече, 2011. С. 65–86.
14. Миллер А.Ф. Турция и Германия в годы Первой мировой войны. М.: Лекционное бюро при Ком. по делам высш. школы при СНК СССР, 1944. 28 с.
15. Норден А. Уроки германской истории. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 330 с.

16. Нотович Ф.Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1947. № 23. С. 185-250.
17. Павлович М.П. (Мих.Вельтман) Основы империалистической политики и мировая война. Милитаризм, маринизм и война 1914-1918 гг. (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). М.: Жизнь и знание, 1918. 128 с.
18. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 286 с.
19. Раздел Азиатской Турции: по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1924. 390 с.
20. Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1962. 245 с.
21. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917 гг.) / под ред. Е.А. Адамова М.: Госполитиздат, 1952. 350 с.
22. Силин А.С. Германо-турецкие отношения накануне Первой мировой войны (Первый конгресс балканских исследований: София, 26 августа – 1 сентября 1966 г.). [б.м.]: [Б.и.], 1966. 23 с.
23. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
24. Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 года. М.: Альпина нон-фикшн 2015. 604 с.
25. Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911-1912 гг. М.: Наука, 1967. 202 с.

REFERENCES

1. Airapetyan M.E., Mogilevich A.A. Na putyakh k mirovoi voine 1914–1918 gg [On the Way to World War of 1914–1918]. M., Gospolitizdat, 1940. 296 p.
2. Baiov A.K. Istoki velikoi mirovoi dramy i ee rezhissery. [The Origins of the Greatest World Drama and its Directors]. Tallinn-Reval[, B.i., 1927. 122 p.
3. Bovykin V.I. Iz istorii vozniknoveniya Pervoi mirovoi voiny: otnosheniya Rossii i Frantsii v 1912–1914 gg. [From the History of World War I: Relations between Russia and France in 1912–1914]. M., MGU, 1961. 208 p.
4. Villmott G.P. Pervaya mirovaya voina [World War I]. M., Lomonosov", 2010. 335 p.
5. Virt A. Narodnoe mogushchestvo i mirovaya voina v istorii [National Power and World War in History] Tseli voiny Germanii soglasno nemetskim istochnikam [The War Aims of Germany According to German Sources]. Paris, 1917.
6. Galkin I.S. Obrazovanie Balkanskogo soyuza 1912 g. i politika evropeiskikh derzhav [The Formation of the Balkan Alliance of 1912 and the Policy of the European Powers] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki [Vol. 11]. 1956. no. 1. pp. 9–40.
7. Gilbert M. Pervaya mirovaya voina [World War I]. M., KoLibri, 2016. 768 p.
8. Durnovo P.N. Budushchaya anglo-germanskaya voina prevratitsya v vooruzhennoe stolknovenie mezhdv dvumya gruppami derzhav [A Future Anglo-German War will Become an Armed Clash between the Two Groups of Powers] Svet i teni Velikoi voiny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi / Sostaviteli A.V. Repnikov, E.N. Rudaya, A.A. Ivanov [Light and Shadows of the Great War. World War I in Documents of the Period / Authors: A.V. Repnikov, E.N. Ruda, A.A. Ivanov]. M., 2014.
9. Zvavich A.I. Obostrenie protivorechii mezhdv imperialisticheskimi derzhavami nakanune Pervoi mirovoi voiny [The Aggravation of Contradictions between the Imperialist Powers on the Eve of World War I]. M., Uchpedgiz, 1962. 144 p.

10. Zuev F. Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny. [International Relations before and during World War I.]. M., [B.i.], 1956. 88 p.
11. Ignat'ev A.V. Russko-angliiskie otnosheniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (1908-1914 gg.) [Russian-English Relations on the Eve of World War I (1908-1914.)]. M., Sotsekgiz, 1962. 242 p.
12. Istyagin L.G. Germanskoe pronikновение v Iran i russko-germanskije protivorechiya nakanune Pervoi mirovoi voyny [The German Penetration into Iran and the Russian-German Conflict on the Eve of World War I]. M., Nauka, 1979. 224 p.
13. Luneva YU.V. Chernomorskie prolivy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh Rossii i evropeiskikh derzhav nakanune Pervoi mirovoi voyny [The Black Sea Straits in International Relations of Russia and the European Powers on the Eve of World War I] Zabytaya voina i predannye geroi [The Forgotten and Betrayed War Heroes]., Veche, 2011. pp. 65-86
14. Miller A.F. Turtsiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voyny. [Turkey and Germany during World War I]. M., Leksionnoe byuro pri Komitete po delam vysshei shkoly pri SNK SSSR, 1944. 28 p.
15. Norden A. Uroki germanskoi istorii [The Lessons of German History]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1948. 330 p.
16. Notovich F.YA. Imperialisticheskie protivorechiya nakanune Pervoi mirovoi voyny [Imperialist Contradictions on the Eve of World War I] // Istoricheskie zapiski. 1947. no. tom 23. pp. 185-250.
17. Pavlovich M.P. (Mikh.Vel'tman) Osnovy imperialisticheskoi politiki i mirovaya voina. Militarizm, marinizm i voina 1914-1918 gg. (Voennye byudzhety i voennye sily evropeiskikh gosudarstv nakanune voyny) [Foundations of Imperialist Policy and World War. Militarism, Marinism and the War of 1914-1918 (Military Budgets and Military Forces of European States on the Eve of the War)]. M., ZHizn' i znanie, 1918. 128 p.
18. Pisarev YU.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voyny [The Great Powers and the Balkans on the Eve of World War I]. M., Nauka, 1985. 286 p.
19. Razdel Aziatskoi Turtsii: po sekretnym dokumentam Ministerstva inostrannykh del [The Asian Section of Turkey: Secret Documents of the Ministry of Foreign Affairs]. M., Litizdat NKID, 1924. 390 p.
20. Sarkisyan E.K. Ekspansionistskaya politika Osmanskoi imperii v Zakavkaz'e nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [The Expansionist Policy of the Ottoman Empire in Transcaucasia on the Eve and during World War I]. Yerevan, Izd-vo Akademii nauk Armyanskoi SSR, 1962. 245 p.
21. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856-1917 gg.) [Collection of Treaties of Russia with Other States (1856-1917 gg.)]. M., Gospolitizdat, 1952. 350 p.
22. Silin A.S. Germano-turetskie otnosheniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (Pervyi kongress balkanskikh issledovaniy: Sofiya, 26 avgusta - 1 sentyabrya 1966 g.) [German-Turkish Relations on the Eve of World War I (First Congress of Balkan Studies, Sofia, 26 August - 1 September 1966)]. [b.m.], [B.i.], 1966. 23 p.
23. Utkin A.I. Pervaya mirovaya voina [World War I]. M., Algoritm, 2001. 592 p.
24. Kheistings M. Pervaya mirovaya voina: katastrofa 1914 goda [World War I: the Catastrophe of 1914]. M., Al'pina non-fikshn, 2015. 604 p.
25. Yakhimovich Z.P. Italo-turetskaya voina 1911-1912 gg [Italo-Turkish War 1911-1912]. M., Nauka, 1967. 202 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: korrka@mail.ru

Абрамова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail:

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yegorov Vladimir G. – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: korrka@mail.ru

Abramova Yulia A. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А. Экономические интересы ведущих держав мира и их влияние на формирование военно-политических блоков в начале XX столетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 8–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Yegorov, Yu. Abramova. Economic interests of the leading powers and their influence on the forming of political-military blocks in the early XX century // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 8–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31